

Право

УДК 343.2/.7

В.В. НИКИФОРОВ

(vadosnikiforov97@gmail.ru)

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И ДЕТЕРМИНАНТАХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ*

Перманентное реформирование уголовно-процессуальной деятельности органов уголовной юстиции является основанием для поиска оптимального подхода к сущности познавательной деятельности, являющейся ядром уголовного процесса.

На основе анализа ключевых доктринальных подходов к соотношению состязательных начал судопроизводства с традиционной моделью доказывания, обосновывается вывод о том, что установление истины по уголовному делу как исторически сложившаяся цель доказывания не противоречит легальным условиям его осуществления, в том числе и в контексте разделения основных уголовно-процессуальных функций.

Ключевые слова: *доказывание, истина, состязательность, уголовно-процессуальная форма, познание, предмет доказывания.*

Проблема уголовно-процессуального познания является одним из наиболее востребованных предметов научных исследований на протяжении всей истории становления и развития уголовно-процессуального права. Мы полагаем, что этот факт обусловлен тем, что вся уголовно-процессуальная деятельность, направленная на достижение цели судопроизводства, обозначенной в ст. 6 УПК РФ [1], так или иначе связана с доказыванием. Реформирование деятельности органов уголовной юстиции, внедрение в уголовно-процессуальное законодательство международных стандартов защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, общая тенденция расширения сферы применения информационных технологий в правоохранительной и судебной деятельности [Там же] с неизбежностью влекут за собой обновление норм, регламентирующих доказывание.

Сложность определения сущности уголовно-процессуального познания заключается в отсутствии четкой законодательной формулировки первичного процессуального понятия – «доказывание», что порождает различные его трактовки в специальной литературе. В настоящее время можно выделить три полярные точки зрения относительно сущности рассматриваемой дефиниции.

Традиционный подход, впервые обозначенный еще М.С. Строговичем, заключается в отождествлении доказывания с познанием объективной истины по уголовным делам, что типично для научной школы советского периода [2, с. 296; 3, с. 13]. Последователи этой точки зрения, подвергают критике УПК РФ на том основании, что он абсолютизирует состязательное начало уголовного судопроизводства, исключая из числа задач уголовно-процессуального познания установление истины по уголовному делу [4, с. 11–15].

Сторонники радикального подхода к определению сущности уголовно-процессуального доказывания полагают, что в состязательном уголовном процессе установление истины не является целью познания, что предполагает наличие у доказывания исключительно обвинительного содержания, которое отождествляется с соответствующей деятельностью должностных лиц органов уголовной юстиции [5, с. 21].

Мы полагаем, что более взвешенным является третий подход, суть которого заключается в возможности сочетания состязательных начал судопроизводства с традиционной моделью доказывания, основной целью которого является установление истины по делу. При этом, как указывает С.А. Шейфер, познавательная деятельность в рамках производства по уголовному делу ни при каких обстоятельствах не долж-

* Работа выполнена под руководством Баемовой Н.А., кандидата юридических наук, доцента кафедры уголовно-процессуального права ЦФ ФГБОУ ВО «РГУП».

на отождествляться с уголовным преследованием, поскольку именно принцип состязательности способствует всестороннему, полному и объективному установлению всех обстоятельств уголовного дела [6, с. 5].

Нетрудно заметить, что приведенные выше трактовки сущности дефиниции «доказывание» в своей основе имеют две философские категории – познание и цель соответствующей деятельности. В этой связи, считаем целесообразным, более подробно рассмотреть правовую природу доказывания с позиций гносеологии и целеполагания.

Доказывание представляет собой разновидность познавательной деятельности человека и, соответственно, в своей основе имеет общие закономерности гносеологии. Традиционно познанием считают взаимодействие объекта и субъекта, результатом которого является получение знаний о мире [7, с. 6]. Характер и особенности учения о доказательствах предопределяются тем, что доказывание, как социально-правовое явление, является видом юридического познания, имеющим определенную специфику. В специальной литературе в качестве особенностей юридического познания, позволяющих отграничить его от иных форм соответствующей деятельности, выделяют: 1) предмет, в качестве которого выступают фактические обстоятельства конкретного дела; 2) пределы познавательной активности, которые определяются исходя из круга существенных обстоятельств дела, в своей совокупности составляя предмет доказывания; 3) процессуальную форму познавательной деятельности, которая установлена законодательно; 4) круг субъектов, уполномоченных осуществлять доказывание; 5) совокупность средств, используемых для установления значимых для дела обстоятельств, которая прямо указана в законе [8, с. 32]. Уголовно-процессуальное доказывание обладает всеми названными признаками юридического познания. Во-первых, конечный его объект детально определен законодателем в ст. 73 УПК РФ [1] и включает в себя несколько групп обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу:

- 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- 2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;
- 3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
- 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением;
- 5) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;
- 6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;
- 7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;

8) обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ [10], получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Во-вторых, законодатель четко определяет круг участников уголовного судопроизводства, уполномоченных осуществлять доказывание (ст. 37–41, 85–88 УПК РФ) [1]. При этом соответствующая деятельность носит удостоверительный характер, т. к. субъект доказывания (например, дознаватель или следователь) осуществляет познание не только «для себя», но и для последующих адресатов доказывания (прокурора и суда). Таким образом, уголовно-процессуальное познание своей направленностью имеет превращение неустойчивой информации в «истину для всех» [9, с. 116].

В-третьих, уголовно-процессуальное познание имеет легальную форму, которая определяет все основные его стороны: предмет, источники, способы и порядок получения, проверки и оценки доказательств, сроки, круг субъектов доказывания и т. д. Уголовно-процессуальная форма является средством оптимизации процесса производства по уголовному делу, составной частью которого является доказывание. Кроме того, детальное законодательное регулирование познавательной активности должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, является гарантией обеспечения прав и законных интересов лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства.

С учетом изложенного полагаем, что категории «юридическое познание» и «доказывание» соотносятся как общее и частное, т. к. содержание первой значительно шире, т. к. включает в себя различные виды доказывания – гражданско-процессуальное, административно-процессуальное, оперативно-розыскное и т. д. Кроме того, юридическое познание может осуществляться как в процессуальной, так и в непроцессуальных формах. В этой связи полагаем, что с гносеологической точки зрения доказывание может детерминироваться как вид юридического познания обстоятельств уголовного дела, осуществляемый в рамках легально установленного предмета, уполномоченными законом субъектами и в определенной процессуальной форме.

Цель уголовно-процессуального доказывания, как уже было отмечено, является еще одним элементом, определяющим его сущность, и традиционно определяется как установление истины по уголовному делу. На сегодняшний день проблема определения конечной цели уголовно-процессуального познания относится к числу наиболее обсуждаемых. Постепенная демократизация уголовного судопроизводства, переход к его состязательной форме, четко обозначенный в УПК РФ 2001 г., повлекли за собой революционные изменения в доктринальном толковании цели уголовно-процессуального доказывания. Появились утверждения об отсутствии принципиальной возможности установления истины в уголовном процессе ввиду ее противоречия с принципом состязательности [10, с. 216]. Думается, что в этой связи приобретает особую актуальность высказанное еще в 1993 г. мнение Л.Д. Кокорева и Д.П. Котова о том, что позиционирование истины как цели доказывания является не только правовым, но и нравственным требованием к должностным лицам, осуществляющим судопроизводство [11, с. 65]. Отказ законодателя от легального установления цели доказывания, в том числе и в виде принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, наряду с регламентацией ряда производств, где акцентируется внимание на формальной составляющей уголовно-процессуального познания, стали причиной появления концепции «конвенциональной истины». Ее суть сводится к факту принятия судьей решения лишь на основе собранных органами предварительного расследования доказательств, без их непосредственной проверки в судебном заседании. Таковы, в частности, условия доказывания, предусмотренные при постановлении приговора в особом порядке, предусмотренном гл. 40, 40.1 УПК РФ [1].

Смещение акцента с цели на процедуру доказывания прослеживается в рассуждениях сторонников процессуальной (судебной, юридической) истины, под которой понимается соответствие результата судебного процесса требованиям процессуального права [12, с. 218–229]. В основу концепции в рассматриваемом случае кладется такой признак уголовно-процессуального познания, как легальная процессуальная форма. Соблюдение юридической процедуры при собирании, проверке и оценке доказательств, проведение судебного разбирательства на основе принципа состязательности и равноправия сторон лежит в основе понимания выводов суда как «истины юридической» или «истины формальной». Нельзя не признать тот факт, что в действующем уголовно-процессуальном законе значительная роль отводится формальным основаниям доказывания, однако полностью игнорировать материальную сторону доказывания также, на наш взгляд, нельзя, поскольку именно соответствие доказанных обстоятельств дела реальному событию является основой содержательной стороны конечной цели соответствующей деятельности. Целеполагание в доказывании должно базироваться на паритетном сочетании содержательных и формальных начал.

Состязательная форма судопроизводства не препятствует, как уже было отмечено, установлению объективной истины, за исключением случаев сознательного отказа законодателя от таковой в пользу формальной истины. Приведем некоторые аргументы. Во-первых, наличие и практическая реализация принципа состязательности не противоречат требованию всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, которое является предпосылкой установления объективной истины. Тот факт, что указанное положение не получило законодательного закрепления в виде отдельной нормы УПК РФ не означает его полного исключения из процесса. Так, например, в ч. 4 ст. 152 УПК РФ [1] говорится об обеспечении полноты и объективности предварительного следствия, в ч. 4 ст. 154 УПК РФ [Там же] – о всесторонности и объективности предварительного расследо-

вания и разрешения уголовного дела, а в ч. 6 ст. 340 УПК РФ [1] – о нарушении принципа объективности и беспристрастности, что позволяет судить о том, что требованиями этих норм является достижение истины. Во-вторых, в основе утверждений о невозможности установления объективной истины в условиях состязательного уголовного процесса лежит, на наш взгляд, несколько упрощенная трактовка принципа состязательности как разграничения двух процессуальных функций при исполнении судом роли арбитра в споре сторон. Должностные лица органов уголовной юстиции обязаны собирать не только обвинительные доказательства, но и осуществлять познавательную деятельность в отношении всех обстоятельств, формирующих предмет доказывания. При этом суд является активным участником этого процесса, что подтверждается требованиями, закрепленными в ч. 4 ст. 302 УПК РФ [Там же] и ст. 389.15 УПК РФ [Там же] о том, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и должен соответствовать фактическим обстоятельствам уголовного дела. С учетом изложенного позволим себе утверждать, что состязательность уголовного судопроизводства является средством достоверного установления фактических обстоятельств совершенного преступления. В этой связи противопоставление объективной истины иным ее формам (конвенциональной, юридической, процессуальной) следует, на наш взгляд, признать не соответствующим современным научным представлениям о многообразии истин и учений о них.

Литература

1. Жестеров П.В. Конклюдентное доказывание как вектор современной уголовно-процессуальной репрессии // Российский следователь. 2017. № 4. С. 20–23.
2. Зотов Д.В. Пределы доказывания в уголовном судопроизводстве (исследование с позиций разумного формализма) // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 105–117.
3. Карякин Е.А. Специфика уголовно-процессуального познания // Российская юстиция. 2016. № 9. С. 29–32.
4. Кокорев Л.Д., Котов Д.П. Этика уголовного процесса. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1993.
5. Кохановский В.П. Философские проблемы социально-гуманитарных наук (формирование, особенности и методология социального познания). Ростов н/Д.: Феникс, 2005.
6. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»: Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 25.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140638/ (дата обращения: 18.11.2019).
7. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юрист, 2009.
8. Решетникова И.В. Размышления о судопроизводстве. М.: Статут, 2019.
9. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2-х т. М.: Наука, 1968. Т. 1.
10. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М.: Госюриздат, 1951.
11. Шадрин В.С. Истины объективная и юридическая (формальная) и средства их достижения в уголовном процессе // Юридическая истина в уголовном праве и процессе: сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (16–17 марта 2018 г., г. Санкт-Петербург). СПб.: ИД «Петрополис», 2018. С. 218–228.
12. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008.

VADIM NIKIFOROV

The Central branch of The Russian State University of Justice

CONSIDERING THE ISSUE OF THE ESSENCE AND DETERMINANTS OF CRIMINAL-REMEDIAL PROOF

The permanent reforming of the criminal-remedial activity of the criminal justice bodies is the basis for finding the best approach to the essence of cognitive activity, which is the core of the criminal process. There is substantiated the conclusion that the establishment of the truth in a criminal case as a historical goal of evidence does not contradict the legal conditions of its implementation, including the context of the separation of basic criminal-remedial functions based on the analysis of the key doctrinal approaches to the relationship of the adversarial origin of the proceedings with the traditional model of proof.

Key words: evidence, truth, adversariality, criminal-remedial form, cognition, subject of proof.